

и антирелигіозно. На этой-то почвѣ и зарождается возможность конфликта въ душѣ художника. Послѣдній творить свободно и непосредственно, пока въ немъ дремлетъ религіозная личность, но пробужденіе ея приносить съ собой новый, для искусства внѣшній и чуждый, религіозный критерій, по которому уже повѣряется вся жизнь безъ исключеній, а въ частности и художественное творчество. Благо тому художнику, въ душѣ котораго оба критерія, эстетическій и религіозный, не столкнутся враждебно, но гармонически соединятся и тѣмъ взаимно усилятъ другъ друга. Тогда осуществляется свободный союзъ искусства и религіи. Въ такомъ случаѣ предъ свободнымъ художествомъ становится высшій, религіозный идеаль искусства, и тогда вершины искусства озаряются религіознымъ сіяніемъ. Какъ возможно это сліяніе искусства и религіи, и почему оно оказывается возможно, это остается тайной личности, раскрывающейся въ ростѣ души художника, ее можно лишь радостно и благоговѣйно созерцать, но бесплодно было бы пытаться ее объяснить или рационализировать. Но именно таково искусство въ высшихъ своихъ проявленіяхъ: такова была греческая скульптура и архитектура въ язычествѣ, такова средневѣковая готика и византійское зодчество, Данте и Беато Анжелико, Микель Анджело и Рафаэль (въ Сикстинѣ), таково творчество Гёте и Достоевскаго, который, очевидно, не зналъ разлада художника съ человекомъ и въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ (*Братья Карамазовы*, *Сонъ смѣшного человека*) явиль образецъ душевнаго здоровья, результатъ гармоніи религіозной личности съ художникомъ (и это несмотря на пресловутую эпилепсію, отсутствіе которой богатырю Толстому все-таки не дало желанной гармоніи и здоровья духа).

Но не такъ благополучно было это у Гоголя и не такъ у Толстого, судьба которыхъ, при всемъ огромномъ различіи между ними, въ этомъ отношеніи представляетъ такъ много сроднаго. Оба они, когда серьезно заболѣли религіей, когда наступилъ для нихъ религіозный кризисъ въ жизни и искусствѣ, осудили свое художественное творчество, какъ грѣховное. Это осужденіе не имѣетъ ничего общаго съ утилитарными или эстетическими оцѣнками отдѣльныхъ художественныхъ произведеній по тѣмъ или другимъ частнымъ мотивамъ. Оба они *изнутри* ощутили его грѣховнымъ, когда почувствовали себя предъ лицомъ судящаго Бога, предъ Которымъ распаиваются глубины сердца. Ихъ творчество